

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Специализированная информация

**ОЛЛАНД Ф.
УРОКИ ВЛАСТИ**

**Hollande F.
Les leçons du pouvoir. – P.: Stock, 2018. – 409 p.**

Автор специализированной информации –

научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН
А.С. Сидоров

**МОСКВА
2018**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Отдел Европы и Америки

- Сидоров А.С.**
С 34 Олланд Ф. Уроки власти. (Hollande F. Les leçons du pouvoir. – P.: Stock, 2018. – 409 p.): Спец. информация / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Европы и Америки. – М., 2018. – 1,5 а. л.

В книге Франсуа Олланд делится воспоминаниями о наиболее важных событиях в период его работы на посту президента Французской Республики и анализирует итоги своего пятилетнего правления.

Об авторе:

Франсуа Олланд – Президент Франции в 2012–2017 гг.

ISBN 978-5-248-00908-4

Книга экс-президента Франции Ф. Олланда появилась спустя почти год после его ухода из власти. Срок вполне достаточный, как он пишет, чтобы подвести итоги правления, объяснить причины и характер своих решений, и главное – ответить на критические замечания оппонентов в отношении его деятельности на посту президента. В этом стремлении объясниться Олланд приводит ряд эпизодов президентской деятельности, оттеняющих его личные качества руководителя, человека и политика.

Книга состоит из введения, 18 глав, эпилога.

Во введении (с. 7–21) автор описывает процесс передачи власти – своего рода «точки разрыва» (*point de hiatus*) в Пятой республике. Президент осуществляет свои полномочия до последней секунды и передает эстафету преемнику, который немедленно включается в работу. В конечном счете все, что было сделано или решено, успехи и неудачи, движение вперед или упущенные возможности, происходит по воле одного человека – президента страны. Оценивая итоги пребывания во власти, Ф. Олланд «не щадит себя», не ищет оправданий или снисхождения. Факты говорят сами за себя (с. 9).

Когда в 2012 г. Ф. Олланд принимал власть из рук Н. Саркози, Франция испытывала давление финансовых спекулянтов, дефицит конкурентоспособности, и в этих условиях старалась сохранить свои позиции в Европейском союзе (ЕС). Ценой пятилетних усилий, которые, по признанию Олланда, ему дорого обошлись в политическом плане, упадок Франции удалось преодолеть. Заложены прочные основы восстановления экономики и социально-экономической модернизации. «Францию снова уважают» (с. 10).

Олланд хотел быть «нормальным президентом» в ненормальных условиях опасного мира, окружающего Францию. Теперь это бремя и ответственность будет нести его последователь Э. Макрон – человек, который рискнул и победил, чьей решимости, политической смелости, силе убеждения Олланд отдает должное.

В ходе неофициальной встречи через три дня после президентских выборов 2017 г. Олланд и Макрон собрались, чтобы обсудить тему предстоящих парламентских выборов и текущие вопросы. Именно тогда был вынесен приговор соцпартии. Операцию, которую осуществил Макрон, Олланд назвал «поглощением» (*absorption*) (с. 14).

С вежливым вниманием Макрон выслушал дружеское предостережение Олланда относительно назначения на пост премьер-министра представителя правых. Олланд в качестве аргумента приводил риски дистанцирования и неизбежного стремления к самостоятельности премьер-министра, который, согласно конституции, является главой парламентского большинства¹.

Суммируя итоги своего пятилетнего президентства, Олланд, помимо текущих внутренних проблем (с его точки зрения, к 2017 г. в значительной мере решенных), выделяет ряд новых вызовов для Франции. Это вызовы преимущественно международного порядка. Среди них:

- продолжающиеся террористические угрозы, несмотря на поражения, нанесенные ИГИЛ;
- приход к власти в США «непредсказуемого» Д. Трампа;
- Брексит, хотя он прежде всего ударил по Великобритании;
- путинская Россия и саудовско-иранское противостояние;
- наконец, возросшее влияние и привлекательность «демократуры»² как на Востоке, так и на Западе.

Всё вышеперечисленное сделало мир более опасным, менее стабильным и более разделенным³. При этом Франция, по мнению Олланда, парадоксальным образом находится в выигрышном политическом положении в Европе и в мире. Так, Германия нуждается

---

¹ Пройдет совсем немного времени с момента выхода этой книги, и наблюдатели отметят падение рейтинга президента относительно премьер-министра не только среди избирателей, но и в рядах макроновской партии «Вперед, республика!» (*La République en Marche, LREM*). – Édouard Philippe est plus populaire qu'Emmanuel Macron: est-ce un problème pour le Président? URL: <https://www.lejdd.fr/Politique/edouard-philippe-est-plus-populaire-qu'emmanuel-macron-est-ce-un-probleme-pour-le-president-3784502> (*Прим. авт.*).

² Авторитарных демократий. Неологизм образован из двух слов: демократия и диктатура. – *Прим. авт.*

³ Примечательно, что в этой части анализ международного положения у Олланда в значительной мере совпадает с оценками, приведенными в Стратегическом обзоре по обороне и национальной безопасности (*Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017*). URL: <http://www.defense.gouv.fr/content/download/514684/8664656/file/2017-RS.pdf>

во Франции, чтобы придать импульс европейскому строительству. В мире Франция востребована в решении проблем глобального потепления, в борьбе против терроризма, в решении задач развития Африки, обеспечения международной безопасности.

Президент Франции, облеченный огромными полномочиями, всегда является объектом пристального внимания СМИ. Олланду в этой связи запомнилась его последняя встреча в мае 2012 г. с уходящим президентом Саркози. Последний, не стесняясь в выражениях (что тогда вызвало удивление Олланда) предупредил его о чрезмерном росте влияния СМИ, особенно с учетом развития социальных сетей – вплоть до угрозы вмешательства в осуществление президентских функций (с. 19)¹.

В первых четырех главах книги – «Возглавлять» (*Présider*, с. 23–43), «Решать» (*Décider*, с. 45–69), «Путешествовать» (*Voyager*, с. 71–100), «Противостоять» (*Faire face*, с. 71–131) – Олланд излагает свои взгляды на характер и стиль президентской власти, которые тесно связаны с процедурами принятия решений. Олланд отмечает, что с установлением пятилетнего срока правления полномочия президента более не могут быть подвергнуты сомнению. Вариант «сосуществования», который имел место трижды после 1981 г., вынуждая действовавшего президента довольствоваться ролью «арбитра», теперь маловероятен.

По его мнению, президент Франции напоминает «всенародно избранного монарха» (с. 25). Вся внешняя атрибутика и декор, торжественный церемониал, Республиканская гвардия олицетворяют незыблемость, преемственность и легитимность государственной власти. Большое значение этому, пишет Олланд, придавал Ф. Миттеран. Это было важно для французских левых сил, чьи представители только дважды занимали высший пост страны в Пятой республике.

Вместе с тем президент – не только глава государства. Он – первый *гражданин* нации, действует в рамках закона и ответственен перед народом. Олланд отличался от своего предшественника, «гиперпрезидента» Н. Саркози, который контролировал все и вся, решая (или не решая) любые вопросы, отвергал спокойствие и по-

---

¹ Позже Олланд, а затем и Макрон, испытают на себе то, о чем предостерегал Саркози, когда, благодаря техническому прогрессу, возрастут и возможности манипуляции общественным мнением, а сами социальные сети станут одним из инструментов так называемой гибридной войны – идет ли речь о пропаганде ИГИЛ или об освещении украинской и сирийской проблематик. – *Прим. авт.*

ощрял полемику. «В редкие моменты, – пишет Олланд о Саркози, – когда он думал, что ему не хватает врагов, он доставлял себе удовольствие их наживать. Ему это удавалось без труда. К концу его мандата их было в избытке» (с. 26).

Сам же Олланд стремился быть сначала «нормальным» кандидатом, а затем «нормальным» президентом. Это в его глазах подразумевало уважение буквы и духа институтов при осуществлении президентских полномочий в интересах нации. Так, Олланд на 30% сократил зарплату президента и членов правительства, и на 10% – бюджет администрации президента (с. 28). Это не спасло его позже от полемики в прессе относительно нескольких сотен евро расходов на замену старых подушек в Брегансоне, резиденции президента со времен Ш. де Голля. Олланд сожалел, что не обратил внимания на отголоски этого недоразумения в СМИ: в таких случаях нельзя отмалчиваться (с. 136).

Олланд подчеркивает необходимость поиска равновесия между вертикальным и горизонтальным принципами управления, не ставя под сомнение решающую роль президента. Уникальность полномочий и легитимности президента Франции особенно проявляются в период нестабильности и политической неопределенности. Это позволяет ему в случае необходимости действовать без оглядки на парламент (с. 30).

Сказанное относится и к внешней политике: в периоды политических кризисов президентские prerogatives Олланд оценивает как ценнейшее преимущество Франции. Именно это, считает он, позволило Франции в январе 2013 г. ответить в кратчайшие сроки на наступление джихадистов в Мали. По мнению Олланда, в вопросах принятия решений (об этом он пишет во второй главе «*Решать*») не может быть готовых схем. Олланда зачастую упрекали в том, что он как политик предпочитал равновесие – смелости, диалог – авторитаризму, осторожность – внезапности (с. 47).

На самом деле он, по собственному признанию, каждый раз действовал по обстоятельствам, в зависимости от складывающейся обстановки и контекста, не доверяя общим правилам. При применении силы главным преимуществом, с его точки зрения, представляется внезапность, чтобы не дать противнику время подготовить ответный удар. Так он поступил в случае вмешательства в Мали. В свою очередь, при выработке экономической стратегии предпочтительны согласования и экспертное обсуждение.

В любом случае, подчеркивает Олланд, он никогда не тянул с решениями, понимая, что отпущенный ему пятилетний мандат

очень мал. Относительно сроков принятия решений ему не в чем себя упрекнуть – ни в области экономики, ни тем более там, где речь шла о военных акциях.

Некоторые эпизоды Олланду вспоминаются с особой теплотой. Спустя несколько недель после завершения активной фазы действий в Мали, выступая в Бамако перед охваченной энтузиазмом толпой, он заявил: «Это самый лучший день в моей политической жизни». Такая оценка, по его признанию, вызвала удивление во Франции, но для него до сих пор актуальна. Драматизм решения о начале операции в Мали, отмечает Олланд, состоял в том, что в те самые несколько минут 11 января 2013 г. в Елисейском дворце решалась судьба государства Мали, была определена «победа демократии над варварством» (с. 56).

Иначе обстояли дела с другим решением – по Сирии, в том же 2013 г. Со слов Олланда, с лета 2013 г. он получал информацию от французской разведки о неоднократном применении режимом Башара Асада химического оружия против оппозиции и гражданского населения (с. 35)¹. Военную операцию поддержали лидеры США и Великобритании. Олланд неоднократно связывался с Обамой, чтобы утвердить детали операции. В ходе этих обсуждений понимание ситуации Францией и США, их согласие казалось полным. Однако, когда все было готово для удара, накануне позвонил Обама и заявил о необходимости посоветоваться с Конгрессом, чтобы принять окончательное решение. «Я сразу понял, что может произойти», – вспоминает Олланд (с. 36). Принять такого рода решение без консультации с Парламентом может только президент Франции. Операция в итоге не состоялась².

Не меньшей ответственности и расчета в глазах Олланда требовали некоторые решения в сфере экономики – особенно учитывая их долговременные последствия, зачастую выходящие за рамки пятилетнего президентского мандата. В этом смысле примером для Олланда послужило решение Ж. Помпиду в 1973 г. о

---

¹ До сих пор не представлено достоверных и подтвержденных данных о применении химического оружия именно правительственными войсками. – *Прим. авт.*

² В схожей ситуации оказался в 1983 г. другой президент, и тоже социалист – Ф. Миттеран. В то время американцы, согласовав и подготовив совместно с Францией воздушный удар в Ливане, в последние минуты отменили свое участие в операции. Французские самолеты самостоятельно, без прикрытия 17 ноября 1983 г. выполнили рискованное задание без потерь. – *Attali J. Verbatim 1981–1986. P.: Éd. Robert Laffont, 2011. P. 638–639. – Прим. авт.*

создании сети АЭС в стране. Такое решение в дальнейшем позволило Франции снизить зависимость от углеводородов и производить дешевую электроэнергию. Это решение определило развитие в течение 40 лет и было продолжено его последователями.

Схожими соображениями руководствовался Олланд, когда встал вопрос о спасении компании *Areva*, находившейся к моменту его прихода к власти в бедственном положении – убытки в 2014 г. были на уровне 5 млрд евро (с. 65). Государство приняло непростое решение о докапитализации *Areva* и ее слиянии с *EDF*. Это позволило сохранить целостность и компетенции *Areva*, что особенно важно с учетом двойного – гражданского и военного – характера ее деятельности.

Не менее символические и запоминающиеся для Олланда решения были связаны с ситуацией вокруг сталеплавильных заводов во Флоранже и возрождением компании Пежо (*PSA*). В обоих случаях для благоприятного исхода дела сыграло роль личное участие президента Франции. Олланд подчеркивает, что в обоих случаях речь шла о предприятиях, имеющих для страны стратегическое значение.

Еще до выборов 2012 г., вспоминает Олланд, владелец предприятий индийский бизнесмен Лакшми Миттал объявил о планах закрыть доменные печи Флоранжа – города в Лотарингии с давними индустриальными традициями. Со стороны государства был инициирован и принят «закон Флоранжа», обеспечивающий юридические гарантии работникам в случае решения владельца закрыть предприятие. Ситуация осложнялась тем, что на фоне общего падения акций металлургических предприятий доменные печи во Флоранже были наименее встроены в производственную цепочку Миттала.

Понадобились две личные встречи президента с Митталом, трудные переговоры; не обошлось без угроз (*menaces*) с каждой из сторон, прежде чем были выработаны условия соглашения. По мнению Олланда, достигнутый компромисс позволил в полном объеме сохранить занятость металлургов, обеспечить будущее Флоранжа (Миттал вложил в модернизацию производства 180 млн евро), хотя сами доменные печи пришлось закрыть (с. 61).

Э. Мартен, профсоюзный деятель (Французская демократическая конфедерация труда, *CFDT*), который тогда обвинил правительство в предательстве, позднее, будучи депутатом Европарламента, нашел, по мнению Олланда, правильные слова: «борьба в конечном счете окупилась» (с. 62).

Для того, чтобы компания Пежо (*PSA*), которая к 2012 г. еле держалась на плаву, превратилась в одну из жемчужин французской промышленности, также потребовалось вмешательство президента. С мая 2012 г. ситуация стала стремительно ухудшаться. Уже в сентябре компания покинула список *SAC 40*, ее акции стоили менее 5 евро. При личной встрече в апреле 2014 г. Олланду удалось убедить семью Пежо сократить долю в капитале до 14% – крайне болезненное на тот момент решение, о котором, впрочем, семья Пежо потом не жалела. Олланд одобрил докапитализацию компании государством в размере 750 млн евро в равных долях (по 14%) с китайским акционером¹.

Считая историю с Пежо поразительным успехом, Олланд отмечает, что на этот раз пятилетний срок хватило. Он особо выделяет тот факт, что часть доли государства в капитале была перепродана в 2017 г. государственному инвестиционному банку (*Banque Publique d'Investissement, BPI*) с выгодой около 1 млрд евро. «Государственные интересы были соблюдены» (с. 67). В той же главе анализируется и ситуация вокруг машиностроительной *Alstom*, старейшей АЭС *Fessenheim* (с. 62–69).

В книге представлены политические портреты, приводятся свидетельства человека, президента, который на протяжении своего мандата лично общался с лидерами ведущих стран и другими видными общественными деятелями.

Общение и встречи с Президентом России В. Путиным особенно запомнились Ф. Олланду. В его восприятии Путин – это «одновременно человек в прекрасной физической форме и человек-загадка, демонстрирующий теплоту и внимание к собеседнику, которые могут тут же смениться жестким и ледяным тоном, искренний в проявлениях веселья и циничный в своих рассуждениях» (с. 73).

Олланд не может забыть длинную бессонную ночь с 11 на 12 февраля 2015 г., проведенную в большом безлюдном зале Дворца независимости в Минске. Встреча в Нормандском формате проходила в разгар боев на Украине между ВСУ и силами ДНР и ЛНР. Путин, по убеждению Олланда, тогда намеренно затягивал встречу, чтобы отодвинуть момент прекращения огня и тем самым дать возможность силам ДНР и ЛНР добиться максимальных во-

---

¹ *Dongfeng* – китайская автомобилестроительная компания, принадлежащая Комитету по контролю и управлению государственным имуществом Китая. – *Прим. авт.*

енных успехов¹. Олланд и Меркель, напротив, даже отказались от обеда, чтобы сэкономить время, и решили работать без перерыва. В ходе переговоров Олланд и Меркель говорили «одним голосом» – голосом объединенной Европы (с. 77). Так были заключены Соглашения Минск-2, которые позволили избежать худшего, но, по мнению Олланда, принесли лишь видимость мира.

Олланд считает, что Путин – один из немногих политических долгожителей в мире, непреходящий характер власти которого ничем не ограничен. Он смотрит на своих западных партнеров «со смесью снисходительности и любопытства». Он уверен, что те – лишь временные фигуры, подверженные политическим и информационным рискам, что делает их уязвимыми. Он, которому это состояние незнакомо, считает их малодушными (*pusillanime*) (с. 80).

Был и другой Путин, вспоминает Олланд. По завершении неофициального визита в декабре 2014 г., уже при расставании, в знак «примирения» (*réconciliation*), президент России передал президенту Франции богато украшенный запечатанный конверт. В нем было письмо Наполеона, написанное им во время кампании в России – редкий документ, который Путин, по его словам, лично приобрел у коллекционера.

Таков, по мнению Олланда, руководитель России – «холодный и решительный, непредсказуемый и деликатный». Ему удобно иметь дело с Европой, когда она слаба и разобщена. Он уважает силу, в частности силу США, но показал, что не гнушается любыми средствами, вплоть до самых немислимых, чтобы «посеять смуту в самом сердце американской демократии» (с. 85–86).

Олланд на страницах книги выделил особые отношения, который связывают Францию и США. С его точки зрения, историческая миссия – цель обеих наций, то, что их объединяет, – защищать во всем мире идеалы свободы и независимости. С тех пор, как США стали первой державой в мире, Франция всегда была их «верным союзником, но никогда – вассалом» (с. 87).

Хотя Франция всегда считала, что может действовать и отлично от США, подчеркивает Олланд, в мире не существует проблем, которые можно решить без американского участия, особенно если это проблемы нераспространения ядерного оружия или

---

¹ В ходе боев в районе Дебальцево, которые продолжились и после подписания соглашения о прекращении огня, ВСУ понесли значительные потери. Бои истожили обе стороны. – *Прим. авт.*

глобального потепления. Личная позиция Президента США Барака Обамы имела в этом решающее значение (с. 91).

Общаясь с Обамой на разные темы – шла ли речь о выводе французских войск из Афганистана, о валютно-финансовых проблемах еврозоны (состояние которой искренне беспокоило Обаму), Олланд уже тогда почувствовал, что мысли американского президента заняты в большей мере не Европой, а Китаем. На встрече Большой восьмерки (май 2012 г.) Олланд еще больше укрепился в мысли, что в конечном счете европейские проблемы предстоит решать самим европейцам. «Барак Обама невольно способствовал тому, чтобы Европа взяла свою судьбу в свои руки» (с. 90).

В личном плане харизма Обамы неоспорима, утверждает Олланд. Это выдающийся оратор и интеллектуал. Но обращенная к толпе теплота и отработанная навыками коммуникаций простодушная улыбка отходят на второй план при личных контактах: он не любит давать волю чувствам и «никогда не забывает о служении интересам Америки» (с. 83).

С новым президентом США Д. Трампом Олланд успел лишь дважды поговорить по телефону. Второй звонок ему особенно запомнился. Трамп тогда говорил в примирительном ключе и, видимо, в знак доверия, попросил Олланда порекомендовать ему какого-нибудь советника для его президентской команды. Эта просьба, по признанию Олланда, сначала поставила его в тупик. Затем, решив «подыграть» Трампу, он невозмутимым тоном предложил кандидатуру Генри Киссинджера, бывшего госсекретаря при Р. Никсоне и Г. Форде, сохранившего, по уверению Олланда, мудрость, несмотря на свои 94 года. Последовало долгое молчание, и после этого разговор быстро завершился (с. 92).

«Друг Ангела» – такие слова Олланд обращает в адрес немецкого канцлера. 7 января 2015 г. после теракта в редакции *Charlie Hebdo* Ангела Меркель первой из мировых лидеров позвонила, чтобы выразить поддержку и сообщить о своем намерении участвовать в грандиозной демонстрации солидарности в Париже. Это был спонтанный, искренний, благородный, и вместе с тем политический жест, потому что он привел к невиданной международной мобилизации (с. 109). В течение нескольких часов все главы государств и правительств заявили об участии в демонстрации, которая вывела на парижские улицы Генеральную Ассамблею ООН в полном составе (с. 114).

Главу «Жуть» (*Vivre*, с. 133–154) Олланд посвятил теме существования частной жизни и политики. Он исходил из того,

что его частная жизнь должна быть избавлена от «публичного любопытства» (с. 134). Для Олланда, которому претила мысль выставлять напоказ свою личную жизнь, начиная с первого года и в течение пяти лет, пришлось защищать ее и объясняться перед всей страной. Жизнь хозяина Елисейского дворца развеяла его первоначальные иллюзии о том, что можно отделить государственные дела от частных: вечером прогуляться по Парижу или сходить в театр.

Правила безопасности вынудили Олланда ограничить свои передвижения пределами официальных зданий. Находясь по 12–14 часов в рабочем кабинете, Олланд, по его признанию, не отказывал себе в удовольствии прогуливаться по парку Елисейского дворца, проходя ежедневно 6 тыс. шагов, чтобы поддерживать форму (с. 141). Единственное место, вспоминает Олланд, где президент (если позволял рабочий график) мог уединиться и расслабиться, был флигель *La Lanterne* в парке Версальского дворца. Впрочем, уединение и там было относительным – служба безопасности регулярно снимала папарацци с верхушки дерева.

До определенного времени, замечает Олланд, вторжение в личную жизнь было умеренным. Его отношения с С. Руайаль, матерью его четверых детей, с которой он расстался в 2007 г., были всем известны. Но в 2012 г. во время президентской компании с ним была рядом В. Триервейлер. Однако, напоминает Олланд, французы выбирают президента, а не супружескую пару. «Спутница президента, а завтра может быть спутник, – не исключает Олланд, – сразу ощущает, что жизнь их круто изменилась», но это не оказывает никакого влияния на их статус (с. 151).

Затем в жизнь Олланда вошла актриса и режиссер Ж. Гайе, что стало ударом для В. Триервейлер. Позднее в книге, которая имела оглушительный успех, она описала свои страдания и обиды словами, которые, по воспоминанию Олланда, причинили ему боль.

К Ж. Гайе Олланд сохранил самые теплые чувства. В течение совместной жизни в Елисейском дворце она избегала малейшего вторжения в президентскую жизнь, при этом служила ему неоценимой поддержкой в последние три года президентства (с. 154).

Глава «Переговоры» (*Négocier*, с. 155–182) посвящена, в основном, общеевропейской проблематике. Олланд вспоминает свои первые саммиты ЕС, где он выдвинул идею переориентировать развитие европейской экономики – отдать приоритет росту, поддерживать экономическую активность в противовес режиму жесткой

экономии (*austérité*). Он подчеркивает, что Европейский совет, высшая европейская *политическая* инстанция, вынужден принимать решения и по техническим вопросам. Несмотря на то, что процедура принятия решений замедляет все процессы, все-таки эта переговорная тактика себя оправдывает. Олланд выступил с двумя предложениями: чтобы ЕС разработал инвестиционный план на сумму порядка 100 млрд евро; и чтобы был закреплен (Олланд понимал, что это неприемлемо для канцлера Германии А. Меркель) принцип солидарного разделения будущих долгов в интересах самых проблемных стран.

В тот момент, по его признанию, большинство стран не были готовы к столь резким шагам, несмотря на их необходимость. Главное, понимал Олланд – убедить Германию, а остальные последовали бы ее примеру. Несмотря на разницу в политических взглядах, Олланду удалось заручиться поддержкой лидеров Италии и Испании – М. Монти и М. Рахоя. Обоих объединяла тяжелая финансовая ситуация в их странах.

На саммите 28 июня 2012 г., вспоминает Олланд, ситуацию удалось переломить. Франция убедила участников, в том числе ФРГ, в необходимости принятия мер по установлению доверия в еврозоне, чтобы позволить Европейскому центральному банку (ЕЦБ) смягчить в нужный момент денежно-кредитную политику. Так были заложены основы банковского союза, создан Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ). А. Меркель поступила в интересах ЕС, допустив, что «солидарность способствует стабильности». Твёрдо отстаивая интересы своей страны, – пишет Олланд, – она никогда не забывает об интересах Европы. «Ей иногда требуется слишком много времени, чтобы прийти к хорошему решению. Но она никогда не принимает плохого» (с. 161–162).

Сам саммит 28 июня 2012 г. Олланд называет историческим. Фактически он ознаменовал окончание кризиса еврозоны. И произошло это, подчеркивает он, благодаря франко-германскому соглашению. Именно такое согласие позволило впоследствии разрешить греческий долговой кризис и не допустить выхода Греции из еврозоны.

4 февраля 2015 г., как вспоминает Олланд, он первый из европейских руководителей принял новоизбранного премьер-министра Греции А. Ципраса и дал ему несколько советов. Олланд посоветовал ему не поднимать немедленно вопрос о замораживании долга; искать поддержки у председателя Европейской комиссии (ЕК) Ж.-К. Юнкера и главы ЕЦБ М. Драги, а также учитывать настрой А. Меркель.

Переговоры кредиторов с Грецией проходили очень трудно. Сразу после референдума в июле 2015 г., где греки большинством голосов (свыше 60%) отвергли планы ЕК, Олланд позвонил Ципрасу, чтобы сказать: «ты выиграл, но Греция проиграла» (с. 166). Именно Олланду тогда удалось убедить Ципраса продолжить переговоры сразу после референдума. Между тем А. Меркель, по словам Олланда, впервые заговорила с ним о необходимости подготовки «плана Б», предусматривающего выход Греции из еврозоны.

Чтобы найти решение проблемы с Грецией, Олланд предложил на саммите руководителей еврозоны 12 июля 2015 г. провести дискуссию в узком составе – ФРГ, Франция, Греция в присутствии представителей ЕК и Европейского совета. Всю ночь, вспоминает Олланд, и до 9 утра следующего дня продолжалось обсуждение. Взаимоприемлемое решение было найдено. Олланд считал, что путем спасения Греции Франции удалось поставить во главу угла общеевропейские интересы, обеспечить будущее еврозоны. «Ничего бы не получилось без участия Ангелы Меркель, – указывает Олланд. Но верно и другое: ничего не стало бы возможным без нашего участия» (с. 170).

Не все переговоры приводили к успеху. Миграционный кризис обнажил проблемы сплоченности Европы. Страны Вишеградской группы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) отвергли, по их терминологии, европейский «диктат» (общеевропейскую политику обязательных квот по приему мигрантов). Олланд, возражая им, предупредил, что им тоже «возможно придется обойтись без нас» (с. 174). Страны Старой Европы могут заблокировать финансирование других общеевропейских политик, в которых те заинтересованы.

В главе «*Выбирать*» (*Choisir*, с. 183–200) речь идет о проблемах президентского выбора и связанной с этим обязанностью объяснять свои действия, о цене слова в политике, что раскрывается в главе «*Разговаривать*» (*Parler*, с. 203–222).

Решения – одна из сторон текущей жизни президента, и они всегда даются нелегко. Будь это простым делом, они бы не выходили на уровень Елисейского дворца. К моменту прихода Олланда к власти состояние госфинансов Франции оставляло желать лучшего. Остро стояла проблема стратегического выбора развития. В 2012 г. госдолг достиг 90% ВВП страны против 62% в 2007 г. Согласно отчету Счётной палаты (июнь 2012 г.), не хватало 33 млрд евро, чтобы в 2013 г. уложиться в критерии в 3% ВВП дефицита госбюджета. В мае 2012 г. этот показатель составлял 5,2%. Необходимо было, указывает Олланд, «защитить качество подписи

Франции», чтобы обеспечить рефинансирование долга на приемлемых для страны условиях (с. 184).

Олланд, по его признанию, несмотря на советы друзей, не стал винить в сложившейся ситуации прежнее руководство. В противовес сторонникам лозунга «изменение – немедленно» (*le changement c'est maintenant*) Олланд решил начать с самого трудного – восстановления экономики и оздоровления финансов страны. И все это с учетом европейских обязательств Франции¹. Лишь после преодоления спада, восстановления экономики в еврозоне можно было приступить к «долгожданному перераспределению» (с. 186). Этот план, подчеркивает Олланд, оказался правильным, он сработал – постепенно восстановился рост, пошли инвестиции, стала снижаться безработица. Но все это, признает он, произошло слишком поздно для того, чтобы полученными с таким трудом плодами мог воспользоваться действующий президент.

Первое решение Олланда в рамках проводимой им «политики предложения» – сдерживать дефициты – было связано с выполнением другой важнейшей задачи: восстановления конкурентоспособности французской промышленности. Неутешительный диагноз ее состоянию был поставлен в Докладе Галлуа (*Rapport Gallois*). С точки зрения Олланда, задача выглядела неразрешимой. Чтобы свести дефицит госбюджета к 3% ВВП требовалось 30 млрд евро; чтобы снизить финансовую нагрузку на предприятия, стимулировать инвестиции и занятость – еще 20 млрд (с. 192). Решению первой проблемы способствовало смягчение (под давлением Франции и с согласия ФРГ) условий Пакта стабильности и роста (ПСР) на саммите ЕС в июне 2012 г. В соответствии с решениями саммита дефицит госбюджета Франции мог превышать 3% ВВП без риска санкций. Для решения второй задачи Олланд по своей инициативе решил с 1 января 2013 г. применить механизм налогового кредита в поддержку конкурентоспособности и занятости (*crédit d'impôt pour la compétitivité et l'emploi, CICE*).

Как и большинство новых начинаний, отмечает Олланд, предложенные меры были встречены с недоверием патронатом (*Mouvement des entreprises de France, Medef*) и профсоюзом ВКТ (*Confédération Générale du Travail, CGT*), не говоря уже о «фрон-

---

¹ Дефицит государственного бюджета – не более 3%, государственный долг – не выше 60% ВВП. – *Прим. авт.*

дерах»¹. Сейчас, пишет Олланд, уже большинство экономистов признают, что налоговый кредит (*CICE*) «сыграл решающую роль в восстановлении экономики; способствовал, по оценкам Банка Франции, созданию более 300 тыс. рабочих мест» (с. 195).

Речь политика, какой бы она ни была торжественной, важной, подвержена нелепым случайностям. Олланд по этому случаю вспоминает свою программную речь в Бурже 12 января 2012 г. – речь, которая, по его признанию, превратила кандидата в президенты в президента страны. А все могло кончиться иначе. В какой-то момент своего выступления Олланд заметил непонятный предмет, пролетевший мимо него и упавший за трибуной. Это оказался кем-то брошенный ботинок. Олланд тогда не прервался, не подавая вида продолжил речь, в долю секунды вспомнив похожий случай с президентом США Дж. Бушем. Если бы ботинок попал в лицо, речь в Бурже имела бы совсем иной эффект. Между тем именно в этой речи Олланд, по его признанию, обозначил своего главного противника – мир финансовых спекулянтов, финансовый капитал, этот новый феодализм, который угрожал равновесию социальной модели Франции, и с которым Олланд успешно, как он утверждает, боролся в течение всего своего президентского срока (с. 206).

В главе «*Реформировать*» (*Réformer*, 223–248) Олланд обращает внимание на ряд важных, с его точки зрения, перемен социального характера, которые ему удалось осуществить. Один из первых декретов (6 июня 2012 г.) позволял досрочный выход на пенсию с 60 лет². В течение президентского мандата более 500 тыс. человек, как правило, представителей тяжелых рабочих профессий, воспользовались этой возможностью (с. 223). Также по инициативе президента в 2012 г. была организована общенациональная конференция по социальным вопросам. По ее результатам 11 января 2013 г. патронат и профсоюзы заключили Межпрофессиональное соглашение в масштабах всей страны, что стало главным этапом реформы рынка труда.

В интересах поощрения социального диалога на национальном уровне, и особенно на уровне предприятий, Олланд поддерживал доверительные отношения с Л. Берже, генеральным секре-

---

¹ Группа «диссидентов» в рядах ФСП, принципиально с 2005 г. выступающие против европейской ориентации, интеграции. – *Прим. авт.*

² Во Франции сейчас официально установлен выход на пенсию с 62 лет. – *Прим. авт.*

тарем профсоюза ФДКТ (*Confédération française démocratique du travail, CFDT*). Олланд характеризует его как независимого человека, который идет на компромиссы только тогда, когда это в интересах трудящихся. Берже удалось превратить ФДКТ в главную профсоюзную силу частного сектора в период правления Олланда.

Раздумывая о проблемах социального диалога, о разногласиях партнеров и о значении доверия трудящихся, Олланд вспоминает справедливое предупреждение, полученное им как-то раз от Л. Берже: «рассказывайте о ваших реформах, мы не будем делать это за вас!» (с. 228). Олланд запомнил этот урок и всегда предпочитал диалог, переговоры, поиск компромисса прямым действиям государства посредством законов и ордонансов, как это происходит сейчас (с. 231).

Борьба с коррупцией, особенно с коррупцией «транснациональной» – еще одно обещание, прозвучавшее в упомянутой речи в Бурже. Для Олланда это стало делом чести, особенно учитывая сдержанное отношение в его окружении (с. 247). И хотя изжить окончательно коррупционные проявления не удалось, Франция, по убеждению Олланда, стала эталоном борьбы с коррупцией.

Бывают ситуации, вспоминает Олланд, когда ни одно решение не является удовлетворительным. Один из таких случаев, имевших негативный медийный характер для действующей власти, касался так называемого «дела Леонарды», о котором он пишет в главе «*Реагировать*» (*Réagir*, с. 249–261). Этот случай поучителен тем, что формально все представители власти – законодательной, судебной, правоохранительной – действовали в рамках закона. Однако ситуация, связанная с обстоятельствами задержания и высылки из страны семьи Дибрани (выходцев из Албании, незаконно въехавших во Францию) получило развитие в медийном поле и вызвало широкий общественный резонанс. Катализатором послужило задержание после окончания занятий в школе младшей дочери Дибрани Леонарды.

Суть проблемы – иностранцы, нарушившие закон, не могут оставаться во Франции – была напрочь забыта. Эмоции взяли верх над порядком. Не желая дезавуировать действия министра внутренних дел М. Вальса, и одновременно стремясь сохранить единство левого большинства в правительстве, Олланд предложил вариант, который позволял Леонарде в виде исключения продолжить обучение во Франции. Решение было взаимоприемлемым, и достаточно быстро закрывало проблему. Ошибка, по мнению Олланда, состояла в том, что он взялся лично о нем объявить, получив

шквал критики в свой адрес и полярных обвинений в адрес правительства.

Главы «*Сожалеть*» (*Regretter*, с. 263–276) и «*Наказывать*» (*Punir*, с. 277–288) следуют одна за другой, и в обеих Олланд рассуждает об упущенных возможностях и непредвиденных им ситуациях; о решениях, которые иногда необходимо принимать быстро, особенно если речь идет о наказании. Одно из самых больших своих разочарований Олланд связывает с итогами дискуссии вокруг высказанной им идеи лишать гражданства террористов, родившихся во Франции и имеющих двойное гражданство. Он очень сожалел, что не прислушался в декабре 2015 г. к мнению своего министра юстиции Кр. Тобира – одной из «четверки» в составе Б. Казнёва, М. Вальса, ее и самого Олланда, которые вместе противостояли трагическим событиям в связи с терактами 2015 г. Кр. Тобира высказалась тогда против.

Эта мера (зadolго до того сформулированная правой оппозицией), указывает Олланд, предложенная им по «горячим следам» после терактов 15 ноября 2015 г., должна была стать актом национального единения. По рекомендации Государственного совета для ее реализации необходимо было внести поправку в Конституцию, что требовало одобрения в Парламенте большинством в 2/3 голосов. В феврале 2016 г. удалось получить большинство и в Национальном собрании (317 против 199), и в Сенате (176 против 161), но лишь простое большинство (с. 266). Олланд недооценил эмоционального воздействия факта лишения гражданства – и на левых, и на правых. В марте 2016 г. он принял решение остановить процедуру пересмотра конституции. Предложение, которое, по его расчетам, должно было объединить, разъединило народных избранных (с. 267).

Хотя президент олицетворяет собой высшую власть в государстве, он не является судьей, а выступает в качестве гаранта независимости судебной власти, невзирая на лица. Но бывают случаи, когда президенту надо принимать решение, не дожидаясь вердикта суда. Формируя свою команду, Олланд предупредил каждого ее члена, что расстанется с любым в случае какого-либо проступка. Он утверждал, что честность является первостепенным долгом государственного чиновника, а этика – фундаментом доверия. Именно поэтому Олланд столь остро переживал ситуацию вокруг «дела Каюзака» – по имени Жерома Каюзака, которого он знал как «блестящего парламентария, пламенного министра, великолепного оратора» (с. 278). Его предательство оказалось настоль-

ко вопиющим, что вызвало неудержимый гнев и острейшее разочарование у Олланда.

Всё началось, вспоминает Олланд, 4 декабря 2012 г. Каюзак позвонил ему и сообщил о статье, появившейся в издании *Mediapart*¹, где шла речь о принадлежавшем Каюзаку банковском счете в Швейцарии. На вопрос Олланда, соответствует ли это действительности, он ответил, что это клевета, и заверил Олланда, что не имеет никакого заграничного счета, что он это докажет. Дополнительную убедительность словам Каюзака придало торжественное заявление в Национальном собрании, где он опроверг наличие у него иностранных счетов и сейчас, и в прошлом.

Прокурорская проверка подтвердила подлинность звукозаписи с обвинениями против Каюзака, а в марте следующего 2013 г. открылось предварительное следствие. В ответ на просьбу Олланда подать в отставку Каюзак даже в тот момент продолжал утверждать о своей невинности. Последовавшее запоздалое и вынужденное признание уже не могло, подчеркивает Олланд, уменьшить ущерб, который был нанесен всем левым силам, правительству и лично президенту (с. 282).

Ретроспективно анализируя ситуацию Олланд признает, что уже после прокурорского запроса в январе 2013 г. необходимо было выводить Каюзака из правительства. Отставка должна была состояться немедленно, не дожидаясь результатов расследования. Может быть, допускает Олланд, это и несправедливо, но сняло бы тяжесть обвинения с правительства в целом. Однако «нет худа без добра». Следствием этого дела стали создание финансовой прокуратуры и специального антикоррупционного агентства, которые в дальнейшем доказали свою эффективность.

В главе «Назначать» (*Nommer*, с. 289–304) автор рассказывает о назначениях, в том числе премьер-министра. Олланд тогда выбрал Ж.-М. Эйро, который, по его убеждению, наиболее подходил на этот пост. Кандидатов у Олланда было немного – М. Обри он отвел по принципиальным соображениям. Относительно Эйро это было, по его словам, выверенное решение – не только по соображениям дружбы и верности, но и по причине политического расклада сил внутри Франции и за ее пределами.

Эйро, германист, сторонник франко-германского тандема и ценимый союзниками соцпартии, экологистами – был человеком

---

¹ Созданное в 2008 г. независимое французское интернет-издание, занимающееся в том числе политическими расследованиями.

не столичным, а из провинции (руководил Нантом с 1989 г.). Он всегда дистанцировался от парижской политической элиты.

Назначение на пост премьер-министра предполагает жертвы (*sacrifices*) – Олланд называет это неписанным правилом Пятой Республики. Ж.-М. Эйро не искал проблем, но был готов их решать. За время пребывания в должности он это не раз доказывал. Именно он обеспечил восстановление государственных финансов; это он заказал Доклад Галлуа, который позволил в дальнейшем ввести налоговый кредит; именно ему пришлось решать сложные вопросы Флоранжа и протестов так называемых «красных колпаков» (*bonnets rouges*)¹, находя каждый раз мудрое решение. Ж.-М. Эйро принял на себя весь груз непопулярности в связи с налоговой реформой, начатой правительством левого большинства. Можно сказать, отмечает Олланд, что все общество тогда охватила «налоговая аллергия» (с. 294).

Олланд, высоко оценивая его работу на посту премьер-министра, в силу политической логики был вынужден назначить на этот пост М. Вальса. Олланд пишет, что Эйро принял такое решение президента с достоинством, хотя и не без горечи.

Собрать нужных людей в нужный момент в нужном месте – в этом, считает Олланд, залог успеха любой политики. Президент не может добиться успеха в одиночку, но, если его окружение «хромает», он обречен на неудачу. Политика, подчеркивает Олланд, – это прежде всего искусство синтеза, и заключается в объединении людей вокруг идеи, программы, в рамках партии или страны. Цель политики – собрать команду, чтобы осуществить политический проект. Есть и другая сторона медали, свои жесткие правила. Политика объединяет тех, кто связан общим договором, и исключает тех, кто его нарушает. Этой теме посвящена глава «*Порывать*» (*Rompre*, с. 305–320).

Молодой и амбициозный деятель соцпартии А. Монтебур был, по оценке Олланда, сложной личностью. Хотя он и поддержал Олланда в ходе второго тура первичных выборов в соцпартии, его политическое видение строилось на идее борьбы с глобализацией, по примеру Ж.-П. Шевенмана. Монтебур, однако, верил в промышленность, разбирался в технологических новациях и понимал их значение.

---

¹ Массовое протестное движение в Бретани против налоговой политики правительства Эйро.

Получив в мае 2012 г. портфель министра восстановления производства (*Ministère du Redressement productif*) Монтебур активно, хотя и с переменным успехом, занялся решением проблем в автомобильной, атомной, электронной, металлургической отраслях. «Производственная ткань страны, – пишет Олланд, – трещала по швам» (с. 307). Постепенно, отмечает Олланд, к досаде П. Москосиси, он стал вторгаться в область ответственности министра экономики и финансов.

В деле Флоранжа Монтебур выступал за национализацию предприятия, даже после того, как премьер-министр Эйро сумел договориться с Митгалом. Монтебур поддерживал идею добычи сланцевого газа во Франции, несмотря на риски для окружающей среды и принципиальную критическую позицию руководства страны по этой теме. Главное, что он отвергал с самого начала, отмечает Олланд, была европейская политика Франции. Монтебур пытался убедить президента не соблюдать европейскую бюджетную политику, отказаться от ПСР и вообще не связывать страну европейскими договорами. Подобная аргументация, пишет Олланд, в скором времени стала аргументацией «фрондеров».

Расставаться можно по-разному. Каждый год в третье воскресенье августа А. Монтебур приглашал друзей отметить начало нового политического года (*rentrée politique*). В этот раз среди приглашенных был недавно назначенный министр образования Б. Амон. В тот день 2014 г. было сказано слишком много – пораженный Олланд узнал, что участники призывали ни много ни мало к смене правительственного курса – Амон в меньшей степени, Монтебур – в большей. Дело получило огласку. Олланду стало ясно, что разрыв назрел – «тяжелый и политически дорогостоящий», но необходимый (с. 312). Оба министра были отправлены в отставку, а кресло Монтебура занял Э. Макрон.

В главе «Оказывать доверие» (*Faire confiance*, с. 321–341) Олланд, «насколько возможно откровенно» изложил историю Макрона – одну из самых удивительных, по его оценке, в политической жизни Франции (с. 321).

С первой их встречи в 2008 г. Макрон произвел на Олланда благоприятное впечатление, тем более, что знакомство состоялось с подачи Ж. Аттали¹. Улыбчивый, живой, эрудированный Макрон

---

¹ Известный экономист, писатель, политик. С 1981 по 1991 г. был личным советником первого президента-социалиста Пятой Республики Ф. Миттерана. В свое время посоветовал Миттерану привлечь к работе Ф. Олланда. – *Прим. авт.*

уже тогда, вспоминает Олланд, умел очаровать собеседника, быстро угадывая, что тому было приятно слышать. Соцпартия, по мнению Олланда, нуждалась в амбициозных молодых талантах – при желании Макрон мог делать политическую карьеру и у правых.

Они вновь встретились в 2011 г. в период подготовки избирательной кампании Олланда. Молодой генеральный инспектор финансов уже работал в банке Ротшильдов, где ему прочили блестящую карьеру. Макрон предложил тогда свои услуги в подготовке экономической части президентской программы. Олланд положительно воспринял решение Макрона покинуть банк с его баснословной зарплатой, после победы предложив ему пост помощника генерального секретаря в администрации президента. Сейчас Олланд считает, что та «жертва» Макрона была инвестицией в будущее.

Сильной стороной этого сверхактивного сотрудника, чьи порывы Олланду иногда приходилось сдерживать, была сеть неформальных контактов, которые он неустанно поддерживал. Мастерски владея словом, он вызывал интерес к себе СМИ, пользовался доверием патроната, который уже начал противопоставлять себя правительству. Энергичный, хороший переговорщик Макрон занимался самыми сложными экономическими вопросами, в частности подготовкой Пакта ответственности¹.

В ходе реорганизации правительства, после ухода Монтебура, Олланд вызвал Макрона из отпуска и предложил ему пост министра экономики. Макрон сразу же занялся подготовкой Закона роста². С конца января 2015 г. началось обсуждение проекта закона в парламенте, и Олланд, по его утверждению, желал ему успеха, часто поддерживая Макрона в его спорах с коллегами. Сотни часов дискуссий, множество поправок, «оппозиция фрондеров» вызывали у правительства опасения, что впервые с 2012 г. документ рискует не получить одобрение в Национальном собрании.

Макрон, уверенный в успехе, предлагал поставить закон на голосование, но по подсчетам председателя Национального собрания, главы парламентской группы социалистов, речь могла идти о

---

¹ *Le Pacte de responsabilité et de solidarité* – комплекс мер по стимулированию развития экономики страны, объявленных Олландом 31 декабря 2013 г.

² Закон, который готовил еще Монтебур, позднее названный Законом Макрона: «Закон для экономического роста, активности и равенства шансов» (*La loi n° 2015–990 du 6 août 2015 pour la croissance, l'activité et l'égalité des chances économiques*). – *Прим. авт.*

перевесе лишь в четыре-шесть голосов, указывает Олланд. Чтобы исключить риск, было решено использовать ст. 49–3 Конституции – к разочарованию Макрона, который не сомневался, что сумеет получить голоса правых и центристов. Ему это удалось несколько позже и в других обстоятельствах.

По иронии судьбы, отмечал Олланд, «фронтеры», выступив тогда против этого закона, «подписали себе смертный приговор» (с. 328). К лету 2015 г. молодой министр уверился в своих силах и стал проявлять себя на политическом поприще. Как-то в одном из интервью Макрон заявил, что Франция испытывает ностальгию по монархии, по королю на вершине власти. Уже задним числом Олланд оценил, насколько эти заявления соотносятся с практикой осуществления нынешней власти Макроном.

Несмотря на предостережения, Олланд продолжал оказывать доверие Макрону. К осени 2015 г. Макрон, по словам Олланда, почувствовал себя не у дел; теракт 13 ноября 2015 г. опрокинул все экономические планы правительства. На первое место вышла борьба с терроризмом. В условиях относительного бездействия Макрон получил возможность полностью посвятить себя политике.

О том, что в случае смены правительства Макрон готов занять пост премьер-министра, Олланду сообщили в начале 2016 г. В книге Олланд предположил, что его решение тогда не менять правительство побудило Макрона строить более амбициозные планы. В марте 2016 г. Макрон встретился с Олландом, чтобы впервые поговорить с ним о политике. Тщательно подбирая слова, Макрон заявил о намерении создать под своей маркой (*sous sa bannière*) сетевое движение в поддержку правительственного курса, не конкурируя с соцпартией (с. 335).

Олланд вновь поверил Макрону. К тому же Олланд был твердо уверен, что всего за год до президентских выборов Макрон не сможет подготовить свою кандидатуру на фоне наступления правых и раскола левых сил. Олланд полагал, что речь могла идти в лучшем случае о выдвижении Макрона в 2022 г. Однако уже в апреле 2016 г. толпа сторонников кричала «Макрона в президенть», и он в ответ: «ничто более не остановит движения надежды, вместе мы приведем его к победе в 2017 г.» (с. 339).

Олланд получает информацию, что Макрон организует сторонников, совершенствует сетевую структуру, накапливает финансовые ресурсы. Неопределенность сохранялась до отставки Макрона 30 августа 2016 г. Олланд, по его уверению, всегда вы-

ступал за состязательность в политике, но он также считал, что она должна протекать открыто и честно. На сей раз сложилось иначе.

В тот день 30 августа 2016 г., вспоминает Олланд в главе «Отказ» (*Renoncer*, с. 343–361), в которой анализирует причины падения своей популярности и отказ от планов своего выдвижения, он понял, что Макрон не вписывается в историю левых сил, стоит вне рамок социал-демократии. Ему нечего терять, он играет только за себя: он основал дело и намерен добиться максимального успеха.

Анализ текущей политической ситуации, которую он изложил Макрону, убедил Олланда, что ни он, ни Макрон не имеют шанса пройти во второй тур, если только не случится нечто чрезвычайное. Макрона это не убедило, он настроен идти до конца, любой ценой, даже ценой неблагодарности (с. 352).

16 ноября 2016 г. Макрон заявил о выставлении своей кандидатуры на грядущих президентских выборах.

Размышляя о превратностях политической жизни, Олланд отмечал, что, обладая неоспоримой легитимностью и исключительными полномочиями, президент должен быть готов испить чашу непопулярности, подвергнуться несправедливым обвинениям, получить повышенную дозу острой критики. Редкость комплиментов лишь умножает их ценность. В своих рассуждениях о продолжительности президентского мандата Олланд подчеркивает, что пять лет – очень короткий срок, чтобы можно было увидеть результаты своей деятельности. Решения президента реализуются в течение длительного времени, идет ли речь о крупных инфраструктурных проектах, культурных начинаниях или военном строительстве. Эти соображения формируют главный, с точки зрения Олланда, аргумент для переизбрания на второй срок. 1 декабря 2016 г. Олланда побудили отказаться от выставления своей кандидатуры ряд соображений неэкономического порядка.

В самом деле в 2016 г., по расчетам Национального института статистики и экономических исследований (*INSEE*), норма безработицы стала устойчиво снижаться, оживился рост экономики (порядка +2% ВВП в год против 0 в момент его прихода к власти); дефицит госбюджета возвращался к 3% ВВП (с. 342). Однако положительные результаты, по оценке Олланда, запоздали на два года.

Непопулярность также не особенно беспокоила Олланда, знающего из опыта, что французы определяются в своих политических пристрастиях за месяц до выборов. Большее опасение вы-

зывало стремление электората к перетасовке политической колоды: нежелание вновь наблюдать дуэль Саркози – Олланд было повсеместным.

Главная причина отказа Олланда выдвигаться на второй срок была исключительно политической. Это – раскол единства левых сил, «смута» внутри соцпартии. Самые близкие соратники советовали Олланду тем не менее рискнуть и выставить свою кандидатуру. Олланд предпочел «пожертвовать собой» во имя общего дела – того, чем не был связан Макрон.

В тот момент, утверждает Олланд, это было осознанным, ответственным и для многих неожиданным решением. Лишь позднее Олланд пожалел об этом, когда самый сильный претендент правых Ф. Фийон, обвиненный в злоупотреблении служебными полномочиями, перестал быть препятствием для победы Макрона. Таковую же победу, по мнению Олланда, мог одержать надежный кандидат единойлевой (с. 361).

Главы «*Не бояться*» (*Affronter*, с. 363–382) и «*Надеяться*» (*Espérer*, с. 383–399) содержат обзор нынешнего состояния, будущего и вызовов, стоящих перед социал-демократией. Олланд называет социал-демократию «королевой Европы», которая «потеряла свою корону» (с. 363). К середине 1980-х годов социал-демократия, казалось, одержала верх над своими соперниками. Государство-покровитель (*État providence*), преодолевая трудности, держалось крепко. Распад коммунистической системы стал посмертной победой социалистов 1920-х годов, утверждавших, что у государства нет будущего без свободы. В конце 1990-х годов из 15 членов ЕС 12 – управлялись социалистами (с. 364). Затем времена изменились.

Ушла эпоха Ж. Делора; социал-демократические партии являются в лучшем случае второстепенными партнерами правительственных коалиций, в худшем – находятся в безнадежной оппозиции. Можно привести различные объяснения сложившейся ситуации, отмечает Олланд. Среди прочих – эволюция общества в сторону индивидуализма, технологические изменения, глобализация, стирающая границы в условиях роста влияния транснациональных цифровых компаний.

Что касается Европы, в частности Франции, социалисты с самого начала поддержали европейский проект, когда французская правая в свое время от него дистанцировалась, а коммунисты вообще его заклеили. Ф. Миттеран, утверждает Олланд, был чело-

веком европейского выбора и считал, что Франция и социализм, отходя от Европы, больше потеряют, чем приобретут.

Раскол в рядах левых сил, в основе которого лежало не столько оспаривание европейского пути развития, сколько разногласия относительно роли государственного сектора, размеров обязательных отчислений, проявился к 2005 г., в ходе референдума по проекту конституции ЕС. По своей значимости Олланд сравнивает голосование в 2005 г. с ситуацией на конгрессе в Туре¹, где обнаружилась разность ортодоксального подхода коммунистов и реформистского подхода социалистов. Эхо тех событий слышно до сих пор. Оно проявляется в разрушительной практике леворадикалов – главного противника социал-демократии и социализма. В глазах Олланда последние понятия равнозначны.

Социал-демократия в своем развитии сталкивалась с серьезными вызовами – экономические были для нее не самыми тяжелыми. В долгосрочном плане, напоминает Олланд, именно левые олицетворяли прогресс, принимали тяжелые решения, чтобы восстановить и модернизировать государство, как это было в Германии, Италии или во Франции. Сейчас это происходит в Греции.

Левым редко удавалось воспользоваться плодами своих успехов. Миттеран в конце его мандата был «смешан с грязью» (*vilipendé*), социалисты сметены на выборах. Десять лет спустя, подчеркивает Олланд, о Миттеране стали говорить, как «о подлинном реформаторе, авторе многих социальных завоеваний, решений, которые до сих пор делают честь Франции» (с. 377). Олланд рассчитывает, что и его деятельность, спустя какое-то время, получит справедливую оценку.

О будущем Олланд пишет в заключительной 18-й главе. Избрание «непредсказуемого» Д. Трампа в 2016 г. убедило Олланда в том, что мир вступил в новую эру. Там взаимодействуют протекционистская, замкнутая на себя Америка, готовый как никогда открыться Китай, использующая слабости Запада Россия. Отныне не Запад определяет повестку дня на планете.

Едва оправившийся от финансового кризиса ЕС оказался поражен новым недугом – популизмом. Укоренившись на Востоке Европы, подвергая сомнению ее систему ценностей, популизм распространяется на ее западную часть. От выборов к выборам

---

¹ На съезде в Туре в 1920 г. произошел раскол социалистической партии (СФИО) на коммунистов и реформистов и была создана будущая компартия Франции (ФКП) и новая социалистическая партия. – *Прим. авт.*

экстремистские партии проникают в законодательные органы, получают министерские посты. Европа мучается в поисках идентичности. Ее кризис, – подчеркивает Олланд – носит больше не экономический, а политический характер. В таких условиях Франции уготована особая роль: объединить другие европейские страны и убедить их вместе бороться с вызовами начала века – национализмом, потеплением климата, ростом неравенства (с. 385).

В этом формирующемся мире у социалистов, уверен Олланд, есть будущее. Он отмечает успехи социалистов в борьбе с самым главным злом современного высокотехнологичного капитализма – неравенством. Не считая Скандинавских стран, только во Франции за время правления социалистов разница между богатыми и бедными сократилась. Задача новой социал-демократии, как ее понимает Олланд, состоит в том, чтобы дать возможность каждому раскрыть все свои способности, реализовать свои надежды. Одним словом, создать «социализм личности» (*socialisme de l'individu*) (с. 388).

Государство должно корректировать своим финансовым участием стартовое неравенство между гражданами, вышедшими из различных социальных слоев. Новая социал-демократия при этом не сводится к перераспределению между социальными категориями или индивидуумами.

Новый социализм включает в себя безусловное требование охраны среды обитания и не мыслится Олланду без экологической составляющей. Олланд выступает за рост, который будет измеряться не только через ВВП. Его можно добиться, используя новые технологии с целью создания модели инновационного развития и качества труда. Задача социал-демократии – превратить цифровой фактор в фактор преобразования связей между индивидуумами, не ухудшая социальных отношений; найти баланс между частной инициативой и коллективным действием.

Социал-демократия, уверен Олланд, не сказала своего последнего слова. Она до сих пор в наибольшей мере способна к децентрализации решений, к коллективным переговорам, к социальному компромиссу и достижению равновесия между Капиталом, Трудом и Природой (с. 398).

В «Эпilogе» (*Épilogue*, с. 401–407) Олланд подтвердил намерение продолжать общественную деятельность – служить Франции, защищать Францию везде, где представится возможность. Наблюдая за президентской кампанией со смесью потрясения и настороженности, он до последнего воздерживался от коммента-

риев, хотя внутри у него все клокотало – французы заслужили лучшего, чем эта череда судебных дел, митингов под голограмму.

1 декабря 2016 г. он принял решение, которое никто не мог ожидать. Уход с поста президента не означает для Олланда ухода из политической жизни.

А.С. Сидоров

**ОЛЛАНД Ф.
УРОКИ ВЛАСТИ**

Специализированная информация

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Сияикова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25/ХП – 2018 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 1,8 Уч.-изд. л. 1,5
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 181

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2)24-86-33